

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 649–688.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 8, no. 2 (2024): 649–88.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-7>

EDN: QKTXJC

Экологический урбанизм в одном, отдельно взятом месте: менеджмент лесов Новосибирского Академгородка в 1960-е – 1980-е гг.

Тимофей Николаевич Раков

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия,

t.n.rakov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2726-7939>

Timofei N. Rakov

University of Tyumen,
Tyumen, Russia,

t.n.rakov@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2726-7939>

Аннотация. В статье рассматривается история менеджмента зеленых насаждений в Новосибирском научном центре Академии наук СССР (Академгородке). Анализируются работы ученых-ботаников из Центрального ботанического сада отделения, прежде всего, труды многолетнего директора Лесозащитной опытной станции Ивана Варфоломеевича Тарана с целью выявления методов управления зелеными насаждениями в городке. В ходе исследования автором применялась концепция С. Сорлина и Н. Вормбс о технологиях превращения природы в окружающую среду, которая позволяет увидеть в трудах новосибирских ботаников шаги по фактической трансформации сохраняемой природы в нечто новое, приближающееся к окружающей среде. Случай Академгородка интересен тем, что ученые пытались решить проблемы сохранения лесов и их интеграции в ткань городского поселения. Ботаники Академгородка с их образами леса помещаются в контекст широких дискуссий в историографии об особенностях советской политики природы, особенно в позднесоветскую эпоху. Внимательное изучение аргументации ученых позволяет утверждать, что в их представлениях существовала система разграничения лесов Академгородка, а также некоторая идея о том, что задача менеджмента лесов состоит в поддержании их «естественного» состояния. Факт амбивалентности леса для ботаников обуславливает необходимость его возвращения или сохранения в естественном состоянии, поддержание которого в действительности невозможно без активного вмешательства ученых. Такая комплексная экологическая программа могла осуществляться лишь при

© Раков Т.Н., 2024

© Rakov T., 2024

значительном ее финансировании. Постсоветское состояние лесов академического центра указывает на то, что в современных экономических реалиях они оказываются под давлением логики дальнейшей урбанизации Академгородка, различных девелоперских проектов, а также проектов развития НГУ (строительство нового кампуса). Будущее лесов Новосибирского Академгородка в подобных обстоятельствах и в свете отсутствия масштабной программы, сопоставимой с той, что предложил в свое время И.В. Таран, выглядит скорее пессимистичным.

Ключевые слова: экология, история СССР, позднесоветское, окружающая среда, Академгородок, Новосибирск, история науки, лес, экологические гуманитарные исследования

Благодарности: Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 22-78-00172 «Политические практики советского общества в 1920-е и 1960-е годы: сравнительный аспект»).

Для цитирования: Раков Т.Н. Экологический урбанизм в одном, отдельно взятом месте: менеджмент лесов Новосибирского Академгородка в 1960-е – 1980-е гг. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2024. Т. 8, № 2. С. 649–688, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-7>; EDN: QKTXJC

Ecological Urbanism in a Single Place: Forest Management in Novosibirsk Akademgorodok in the 1960's–1980's

Abstract. The article examines the history of green space management in the Novosibirsk Scientific Center of the USSR Academy of Sciences (Akademgorodok). In order to identify methods for managing green spaces in Akademgorodok, the author analyzes the work of botanists from the Central Botanical Garden of the Branch, first of all, the work of the long-term director of the Forest Protection Experimental Station Ivan V. Taran. During the research, the author used the concept of “enviroming nature” developed by S. Sörlin and N. Wormbs, which makes it possible to see the steps towards the actual transformation of the preserved nature into something new essentially approaching the environment in the works of Novosibirsk botanists. The case of Akademgorodok is interesting because scientists tried to solve the problems of forest conservation and integration of forests into the fabric of an urban settlement. The botanists of Akademgorodok with their images of the forest are placed in the context of broad historiographical discussions about the peculiarities of Soviet environmental policy, especially in the late Soviet era. On the basis of careful study of the scientists' arguments, it is possible to assert that in their ideas there was a system for delimiting the forests Akademgorodok and a certain idea that the task of forest management was to maintain their “natural” state. This shows the ambivalence of the forest for the botanists of Akademgorodok: it must be returned (or preserved) to its natural state, the maintenance of which is impossible without the active intervention of scientists. Such a comprehensive environmental program could only be implemented with significant funding. The post-Soviet state of the forests of the academic center indicates that under the current economic conditions they are under pressure from the logic of further urbanization of Akademgorodok and various development project as well as projects of extension of the University's territory (building a new campus). The future of the forests of the Novosibirsk Akademgorodok in such circumstances with the absence of a large-scale program comparable to the program proposed by I. Taran looks rather pessimistic.

Keywords: ecology, USSR history, late Soviet era, environment, Akademgorodok, Novosibirsk, history of science, forest, environmental humanities

Acknowledgments: The work was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-00172 “Political Practices of the Soviet Society in the 1920s–1960s: a comparative aspect.”

For citation: Rakov, T.N. “Ecological Urbanism in a Single Place: Forest Management in Novosibirsk Akademgorodok in 1960’s–1980’s.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 8, no. 2 (2024): 649–88, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2024-8-2-7>; EDN: QKTXJC

Введение

Научный центр Сибирского отделения Академии наук под Новосибирском, более известный как Академгородок, был основан в 1957 г. Одной из отличительных черт этой части Новосибирска является соседство городка с сибирской тайгой. Любой, кто бывал в Академгородке, обращал внимание на то, что городок окружен лесами и более того, деревья частично произрастают прямо внутри жилых микрорайонов. Такая особенность городка практически с момента его появления стала важнейшей частью локального «мифа-основания» – якобы лес был специально сохранен строителями города науки и все эти годы бережно охраняется усилиями его жителей. Идея «мифа-основания», как ее понимает Ф. Корни¹, предполагает, что любое сообщество конструируется вокруг мифологизированной истории своего возникновения. Сохраненный таежный лес, забота о нем, тропинки сквозь чащу между институтами – все это должно поддерживать историю об исключительности города науки, построенного в Сибири. Как и любой «миф-основание», история леса в Академгородке сочетает в себе различные умолчания с еще более захватывающими фактами.

Однако, когда мы начинаем углубляться в лес, его тропинки выводят нас на несколько иные сюжеты. Миф Академгородка в части, касающейся собственно леса, повествует лишь о перемещении в городок Центрального ботанического сада Сибирского отделения АН и создании Лесозащитной опытной станции при нем, описывая их деятельность в основном как сохранение сибирской тайги. Но если внимательнее останавливаться на конкретных сюжетах, то для любопытствующего человека могут открыться различные примечательные истории. Лесозащитная опытная станция (ЛОС) была основана практически сразу же после создания самого Сибирского отделения – 11 ноября 1957 года. Как следует из самого названия, главной задачей этого подразделения Ботанического сада была защита лесов Академгородка. Однако прежде чем рассмотреть непосредственно историю ЛОС и зеленых насаждений научного центра, я бы хотел обозначить те рамки интерпретации, которые позволят любопытному путнику не заплутать на их извилистых тропинках.

---

¹ *Corney F. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004.*

История леса: взгляд из Советского Союза

История леса в Академгородке – лишь часть более обширного сюжета о взаимоотношениях советского общества и его лесных богатств. В последнее время в исследовательской литературе появляется все больше работ, которые размечают место леса в культурном ландшафте различных обществ². Целый ряд авторов исследует роль леса в политике императорской России и Советского Союза. Часть исследователей обращается к истории леса как ресурса, в частности, Е.А. Кочеткова в своих статьях подробно анализирует проблемы лесной промышленности СССР³. В то же время, на советском материале пока лишь С. Брэйн написал что-то вроде «культуральной» истории лесов, рассмотрев их в контексте российской и советской культуры, а также поместив сюжет о лесоводстве 1920-х – 1950-х гг. в рамки историографической дискуссии о принципах советской политики природы и ее практиках⁴.

Названные работы также рассматривают контексты взаимодействия общества с лесом как природным объектом, который человек колонизирует и использует в качестве ресурса для промышленности. В то же время, в советском градостроительстве, в рамках развития идеи «города-сада», в определенный момент времени возникла мысль о создании городов в лесах. Мы с коллегами, Р.С. Бугаевым и М.О. Пискуновым, в одной из своих статей уже рассматривали широкий контекст академгородковского «города-леса»⁵, потому на концептуальных вопросах в данной статье останавливаться не буду. Академгородок был не единственной территорией в СССР, где была осуществлена попытка интеграции лесных насаждений в ткань города, но в

---

² Костлоу Д.Т. Заповедная Россия. Прогулки по русскому лесу XIX века / перевод с английского Л.А. Речной. Санкт-Петербург: БиблиоРоссика; Бостон: Academic Studies Press, 2020; Кюстер Х. История леса: взгляд из Германии / перевод с немецкого Н. Штильмарк. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012; Loomis E. Empire of Timber: Labor Unions and the Pacific Northwest Forests. Cambridge: Cambridge University Press, 2017; Watkins C. Trees, Woods and Forests: A Social and Cultural History. London: Reaction Books, 2016.

³ Kochetkova E. Industry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from the Mid-1950s to the 1960s // Environment and History. 2018. Vol. 24, № 3. P. 323–347; Kochetkova E., Popov A. Socialist Construction for Siberia: Comecon Cooperation and the Making of Ust'-Ilimsk Forest Industrial Complex in the USSR, 1970s and 1980s // Journal of Contemporary History. 2022. Vol. 57, № 2. P. 479–498; Кочеткова Е.А. Представления о промышленных лесах Сибири среди специалистов в СССР в конце 1940-х – 1991 гг. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 173–180.

⁴ Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2011.

⁵ Bugaev R., Piskunov M., Rakov T. Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The “Forest City” of Novosibirsk’s Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary // The Soviet and Post-Soviet Review. 2021. Vol. 48, iss. 3. P. 289–313.

Сибири, пожалуй, самая известная. Подобные академгородковскому городские леса представляют собой крайне интересный объект для изучения прежде всего в качестве материального воплощения советского взгляда на возможность сосуществования индустриального города и природной окружающей среды, социалистического варианта экологического урбанизма. Опубликованные на сегодняшний день работы, посвященные экологическому урбанизму в СССР, как правило, рассматривают включение лесов в структуру города скорее с точки зрения градостроительных идей, не углубляясь в вопрос о том, что происходит с лесной экосистемой после ее соединения с городским пространством⁶. Специфика озеленительных практик в контексте строительства новых наукоградов анализируется в недавней публикации Александры Касаткиной на примере Обнинска. Касаткина выдвигает идею, что дискурс «города-сада» был способом формирования новой идентичности горожан⁷. В Новосибирском Академгородке лес, по всей видимости, также играет крайне важную роль в самоидентификации его жителей.

В данной статье я задаюсь целью понять, как на практике воплощался позднесоветский экологический урбанизм в отдельно взятом Академгородке, и для этого предлагаю рассмотреть то, как руководство ЛОС и Ботанического сада осуществляло уход за вверенными ему лесами. Как упоминалось в самом начале, для Академгородка крайне важным является миф о том, что на территории наукограда произрастают остатки сибирской тайги и что при строительстве лес здесь был сохранен по инициативе академика М.А. Лаврентьева. Местные экологические активисты во многом продолжают отстаивать лес от вырубки, позиционируя его как наследие Лаврентьева и исконную естественную часть ландшафта города. Однако следует иметь в виду, что академгородковский миф практически игнорирует ту большую работу, которая была проделана учеными-ботаниками по менеджменту окружающего городок леса.

---

⁶ Духанов С.С. Проблемы типового проектирования в Западной Сибири в конце 1950–60-х гг. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2021. Т. 23, № 1. С. 19–33; Мостовенко М.С. От «города-сада» к «городу-аду»: проблема загрязнения воздушного бассейна города Омска в 1960–1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 73. С. 13–18; Стась И.Н. Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 96–103.

⁷ Касаткина А. К поэтике и практике современного урбанизма: «город-сад» как технология социальной интеграции в Обнинске 1960-х годов // *Laboratorium*: журнал социальных исследований. 2022. № 14 (1). С. 30–59.

Деконструкция мифа и реконструкция истории менеджмента лесов в городке возможна через использование идеи С. Сорлина и Н. Вормбс о технологиях преобразования природы в окружающую среду⁸. Указанные авторы предлагают разграничить два понятия – «природа» и «окружающая среда», под последним подразумевая объекты, которые несут на себе печать взаимодействия человека и соседствующих с ним ландшафтов. Более того, природа всегда преобразуется человеком в окружающую среду посредством тех или иных «технологий». Понятие «технология» вышеназванные авторы понимают также достаточно широко. Под ним подразумевается, в том числе, описание тех или иных особенностей природы, превращающих ее в «окружающую среду». Технологии, связанные с непосредственным физическим взаимодействием с природой, Сорлин и Вормбс обозначают словом «формирование» (*shaping* в английском оригинале). К подобным технологиям они, что представляет интерес для данной статьи, относят и весь комплекс практик, связанных с лесоведением.

Основными источниками для анализа технологий создания окружающей среды в Академгородке, практик экологического урбанизма, для меня выступают научные публикации и мемуары директора ЛОС Ивана Варфоломеевича Тарана. Таран возглавил станцию в 1965 году, и на двадцать лет его руководства станцией пришелся самый активный период лесоустроительных работ. Я не стал прибегать к анализу научного дискурса в работах Тарана, а скорее попытался реконструировать примеры того, что, вслед за Сорлином и Вормбс, называю «технологиями» создания окружающей среды, будь то описания лесов Академгородка или же перечисление мероприятий по их «формированию». В рамках статьи будут проанализированы лишь несколько работ Тарана, однако следует отметить, что их значительно больше, и внимательное ознакомление с комплексом трудов ученого показывает, что ключевые идеи по менеджменту лесов научного центра в общем-то повторяются от одной работы к другой. Даже мемуары, выпущенные в 2015 году, в каком-то смысле совмещают традиционный жанр воспоминаний, отражая встречи и общение Ивана Варфоломеевича с центральными для истории Академгородка людьми (М.А Лаврентьевым и В. Е. Лаврентьевой, Е.К. Лигачевым), и жанр научной монографии, презентуя идеи Тарана о возможности создания и поддержания зеленых насаждений в Академгородке.

Предлагаю все действия лесоведов и ботаников в Новосибирском Академгородке рассмотреть сквозь призму двух технологий – «описания» и «формирования», поскольку Таран и его коллеги практиковали именно их: они

---

⁸ *Sörilin S., Wormbs N. Environing technologies: A Theory of Making Environment // History and Technology. 2018. Vol. 34, iss. 2. P. 101–125.*

и описывали состояние леса, перешедшего в их ведение, и проводили целый комплекс «лесостроительных работ», который затем анализировали в своих многочисленных публикациях. В итоге появилась своего рода схема действий: описание 1 ↔ формирование ↔ описание 2. Прежде всего, обратимся к описанию 1, в рамках которого Таран и его коллеги излагали свое понимание того, что такое лес в городе и как с ним необходимо работать.

Лес как ресурс и как ценность

В целом ряде своих работ, прежде чем приступить к описанию деятельности ЛОС, Таран и его коллеги объясняют естественную и человеческую ценность леса и необходимость его сохранения именно в городах. Разделение на естественное и человеческое подсказывают их работы, хотя сами термины, конечно, условны.

Примером понимания Тараном и его коллегами ценности лесов служит монография «Устойчивость рекреационных лесов», написанная директором ЛОС в соавторстве с Владимиром Николаевичем Спиридоновым, еще одним сотрудником станции, и опубликованная в 1977 году. Вот что они пишут в самом начале работы:

Ускоренное развитие народного хозяйства в нашей стране, рост жизненного уровня и баланса свободного времени населения существенно изменили взаимоотношения между человеком и природой. В этих условиях лесам как главному компоненту зеленого покрова планеты придается важное значение, в том числе и рекреационное⁹.

Буквально с самого начала задается определенная рамка рассмотрения полезности лесов, в том числе и естественная – они получают «важное значение» в связке с развитием индустриальной промышленности. Таран и Спиридонов, по всей видимости, фиксируют здесь важную черту современного им индустриального общества – увеличение ценности природы по мере наступления урбанизированных и индустриализированных ландшафтов на «естественные». Еще один важный момент, на который указывают авторы, но не всегда в должной мере обращают внимание современные исследователи, – с ростом городского населения, совершенствованием условий труда, у части представителей рабочего класса высвобождается время, которое горожане предпочитают проводить на природе, вблизи от города. В более позднем труде, посвященном зеленым пространствам Новосибирска в целом, Таран напишет о том, что рост мобильности населения к началу 2000-х гг. приводит ко все

---

⁹ Таран И.В., Спиридонов В.Н. Устойчивость рекреационных лесов. Новосибирск: Наука, 1977. С. 3.

возрастающей нагрузке на леса, становящиеся более доступными благодаря множеству железнодорожных и автомобильных магистралей, и даже построит на основе этой доступности классификацию антропогенной нагрузки¹⁰. В риторике Тарана значимость лесов повышается именно из-за роста городского населения – «в этих условиях лесам... придается важное значение, в том числе и рекреационное».

Далее в монографии Спиридонов и Таран довольно много внимания уделяют тому, что я предлагаю называть «естественной» полезностью леса. Собственно, этому посвящена вся первая глава их книги. Уже во вступлении к ней они разделяют «естественное» и «человеческое»:

В эпоху научно-технической революции многогранность полезности лесов неуклонно возрастает. Лес – источник разнообразного сырья для многих отраслей народного хозяйства. Вместе с тем он выполняет защитные, водоохранные, противозерозионные, бальнеологические, эстетические, рекреационные и другие полезные функции, объединяемые в лесоводственной науке в общее понятие – «невесомые полезности леса»¹¹.

Первая группа «полезностей» леса связана с народным хозяйством и авторы ее не затрагивают, поскольку в наибольшей степени их интересует то, что связано с «невесомыми полезностями». Вторая группа «полезностей» леса также относится к лесу как к ресурсу для человеческого общества, но ресурсу уже не столько индустриальному, сколько постиндустриальному – источнику поддержания городских ландшафтов и комфортной среды, в которых природа должна стать важной частью.

Одна из значимых «природных» функций лесов, актуальных для городского населения, – функционирование лесных насаждений в качестве «зеленого фильтра». Таран и Спиридонов уделяют пристальное внимание тому, что леса выделяют в воздух кислород, ионизируют воздух и впитывают вредные газы: «Задерживая твердые и газообразные примеси, они служат своеобразным фильтром, очищающим атмосферу городов и поселков»¹². Эта мысль продолжает линию оценки лесов как полезного ресурса, в частности, как источника «естественной» очистки воздуха. Далее авторы отмечают влияние зеленых насаждений на температурный режим в городе, влажность воздуха и содержание в нем пыли, подчеркивают поглощение шума растениями, выделение ими фитонцидов и их антибактериальные свойства.

---

¹⁰ Таран И.В., Спиридонов В.Н., Беликова Н.Д. Леса города. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2004. С. 92–95.

¹¹ Таран И.В., Спиридонов В.Н. Устойчивость рекреационных лесов. С. 5.

¹² Таран И.В., Спиридонов В.Н. Устойчивость рекреационных лесов. С. 7.

Нарратив о полезности лесов для климата городов не был изобретением И.В. Тарана и его коллег, об этом писали и другие советские авторы. Во многих книгах по озеленению идет речь о том, что растения снижают уровень загазованности, количество пыли, шума, выполняют важную ветрозащитную функцию:

Зеленые насаждения... очищают воздух от пыли, сажи, копоти и различных газов... Они умеряют силу ветров, защищая местность от их вредного влияния¹³.

Министр здравоохранения СССР в 1959–1965 гг. С.В. Курашов использовал для зеленых насаждений расхожую метафору «легких» города¹⁴. Причем и в 1960-е, и в 1970-е, и в 1980-е годы советские работы об озеленении сохраняли этот фокус, постоянно указывая на полезность растений в деле улучшения климата городов¹⁵.

Таран, как и другие авторы работ по озеленению, разграничивает виды деревьев по степени их полезности. В частности, он отмечает, что газы лучше всего поглощаются лиственными лесами, а вот полезные фитонциды активнее всего выделяются хвойными лесами. Определение степени полезности в некотором смысле тоже является технологией создания окружающей среды, поскольку насаждения, объявленные «полезными», или «ценными», с большей вероятностью будут сохранены от вырубки, чем считающиеся «неценными». Таран подтверждает влияние этого деления, отмечая, что наименее ценные осиновые рощи были вырублены при строительстве.

Технологии описания леса

Помимо общего описания полезности зеленых городских насаждений, которое должно было подвести читателя к мысли о необходимости их сохранения, Таран, разумеется, представляет и тот конкретный лес, который находился в ведении Лесозащитной опытной станции в Академгородке. Как отмечалось выше, и «формирование», и «описание», если следовать мысли Сорлина и Вормбс, сосуществуют как практики трансформации природы в окружающую среду. Соответственно, прежде чем анализировать менеджмент леса, осуществлявшийся сотрудниками ЛОС, нужно обосновать его

¹³ Ланге К.П., Назаренко Н.А. Озеленение. Куйбышев: Книжное издательство, 1961. С. 3.

¹⁴ Курашов С.В. Благоустройство, озеленение и улучшение санитарного состояния городов: С докладом С.В. Курашова, министра здравоохранения СССР. Москва: Госстройиздат, 1960. С. 29.

¹⁵ Северин С.И. Комплексное озеленение в благоустройстве городов. Киев: Будівельник, 1975. С. 3.

необходимость, описав ситуацию, сложившуюся в окрестных лесах при строительстве городка.

Одним из важнейших описательных средств в работах Тарана и его коллег выступало понятие «антропогенная нагрузка». Лес в Академгородке находился непосредственно около города или же в его черте, и потому воздействие человека было ключевым определяющим фактором в процессах, переживаемых лесом. Но что стоит за термином «антропогенная нагрузка»? В 1959 году, еще на ранних этапах строительства городка, ЛОС занялась подсчетом ущерба лесам, нанесенного строителями¹⁶. Причем сразу же эта деятельность была вынесена в публичное пространство – руководство ЛОС планировало выступать с лекциями об охране леса и опубликовать статью в газете строителей городка «Академстроевец». Меры по воздействию на строителей включали и угрозу больше не выдавать порубочные листы, если не прекратятся «лесонарушения»¹⁷. Однако строители продолжали нарушать существовавшую границу охраны лесов, в частности, при возведении больничного городка кранами были повреждены деревья. Производители работ отказались назвать конкретных нарушителей правил. Возмущенные ситуацией сотрудники ЛОС окрестили все происходящее «лесным бандитизмом»¹⁸. Данный сюжет из 1959 года показывает, что во многом история о сохранении леса в Академгородке замалчивает мнение акторов, имевших отличное от лесовского отношение к зеленому окружению города. У строителей в этой истории нет собственного голоса, который отразили бы архивные документы, а потому мы не знаем, как они относились к лесу и возможности его сохранения. Нам представлена лишь позиция ученых-ботаников о «лесонарушениях». Миф Академгородка, как можно предположить из этого небольшого сюжета, видимо вытесняет из своей структуры некоторые группы, например, строителей, а деятельность других – ученых-ботаников – представляет как всеобщую. Как бы то ни было, на данном этапе активность ЛОС вполне укладывалась в логику сохранения природы, а не в «прометеевскую» идею ее преобразования.

Таран и Спиридонов никак не отразили в своих работах приведенный выше сюжет о вырубках деревьев и нарушениях зон охраны лесов. Авторы стремятся создать картину максимально возможного сохранения деревьев, однако и они отмечают существенное изменение лесного ландшафта, произошедшее в ходе строительства:

---

¹⁶ Материалы о деятельности Лесозащитной опытной станции // Научный архив Сибирского отделения РАН (далее – Научный архив СО РАН). Ф. 10. Оп. 3. Д. 84. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 10.

До строительства в границах обследованной территории было три участка леса, обособленных пашней от сплошного лесного массива. В ходе строительных работ произошло расчленение насаждений зданиями, улицами, проездами на мелкие участки и отдельные группы деревьев (всего 167 участков). Большинство образовавшихся участков леса (78,4 %) по размерам не превышают 0,3 га. Лесная обстановка на них резко изменилась, что, в свою очередь, привело к нарушению роста и общего состояния деревьев¹⁹.

В приведенной цитате Таран констатирует ухудшение состояния леса, связывая это со значительным уменьшением размеров участков леса, возникших в результате строительства. Директор ЛОС предлагает технологию создания окружающей среды из лесов Академгородка, а именно, выделение лесных участков и разграничение их по площади. Почему был важен именно критерий размера? Таран считал, что лишь непрерывный участок леса площадью не менее 1 га способен функционировать как лес, хотя бы и в миниатюре, а меньшие по площади участки становятся территориями, на которых рост и состояние деревьев нарушаются. Остается не вполне понятно, считал ли Таран малые по размеру участки по-прежнему частями леса (пусть и малоспособными к сохранению) или же, в представлении ученого, они приобретали иной статус. Такое разграничение участков необходимо было прежде всего для того, чтобы разработать подходящую конкретному участку программу менеджмента насаждений.

Считаю целесообразным силами сотрудников ЛОС провести детальное обследование сохраненных участков... с оценкой их состояния и определения системы лесоводственных мероприятий по повышению их устойчивости²⁰.

Наиболее активный менеджмент лесов начался с приходом Тарана на должность заведующего ЛОС в 1965 году. Первые шаги по формированию окружающей среды городка напрямую перекликаются с отдельными положениями идеи «формирования», изложенной Сорлином. Самым первым мероприятием, организованным Тараном в новой должности, стал «месячник» по обследованию состояния деревьев (в том числе одиночных) в городке и лечение посадок сосны вдоль Морского проспекта. К 1965 году выяснилось,

---

¹⁹ Таран И.В., Спиридонов В. Н. Устойчивость рекреационных лесов. С. 39; Таран И.В. Рекреационные леса Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. С. 114.

²⁰ Таран И.В. Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. Новосибирск: ГЕО, 2015. С. 25.

что высаженные на проспекте деревья стали слабеть и Таран предпринял ряд действий по их спасению, в частности, усиленную подкормку²¹. Практическая работа по уходу за деревьями была связана с технологией «описания». Согласно мемуарам Тарана, по итогам месячника было принято решение прежде всего выступить перед Президиумом Сибирского отделения АН СССР с докладом о мерах по сохранению лесов и подготовить «Генеральную схему лесопаркового устройства и озеленения Академгородка».

Любая технология и программа создания окружающей среды требовали ресурсов, и в данном вопросе Таран получил покровительство на самом высоком уровне, от основателя Сибирского отделения АН СССР, академика М.А. Лаврентьева, который одобрил основной вектор мероприятий Лесозащитной станции и самое важное – увеличение в три раза бюджета станции²². И.В. Тарана стали теперь приглашать с отчетом на заседания Президиума, а также в 1966 и 1967 гг. были приняты постановления, подтверждавшие направление работы ЛОС. Таким образом, описание, формирование и вновь описание связывались неразрывно и предполагали целую программу, в рамках которой должен был осуществляться менеджмент городских лесов.

Программа менеджмента лесов

Программа деятельности ЛОС была рассчитана на десятилетие и предполагала комплекс мероприятий, направленных на изучение и «описание» состояния академгородковских лесов, а затем их менеджмент (или «формирование»). Таран пишет:

ставились следующие задачи: 1) выявить основные факторы, влияющие на рост, устойчивость и состояние рекреационных насаждений; 2) изучить интенсивность воздействия этих факторов на состав и структуру фитоценозов в целом и их ярусов; 3) на основании результатов исследования и с учетом производственного опыта разработать мероприятия по сохранению, повышению устойчивости и долговечности насаждений в условиях высокой антропогенной нагрузки²³.

Представлена трехчастная модель работы по менеджменту лесов, причем последняя часть, хоть и остается близкой к описательной деятельности, но движется в сторону «формирования». Разработка комплекса мероприятий должна была не только сохранить лесные насаждения в том виде, в каком они

---

²¹ Таран И.В. Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. С. 50–55.

²² Таран И.В. Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. С. 65.

²³ Таран И.В. Рекреационные леса Западной Сибири. С. 113.

существовали на момент исследования. Программа должна была предложить ряд мер, направленных в будущее и снижающих «антропогенную» нагрузку на растения.

Какие меры предпринимались учеными-ботаниками для эффективного менеджмента леса? Как ни удивительно, порой сотрудники ЛОС высказывали идеи об отказе от некоторых существующих лесов. Так, в упомянутой выше «Генеральной схеме» была рекомендована трансформация части зеленых лесных насаждений в парки:

Наиболее интенсивно используемые для отдыха участки лесных массивов должны быть преобразованы в парки. Это касается прежде всего припляжных участков леса по берегу водохранилища, где в результате бессистемного использования, в особенности лесов, принадлежащих Бердскому лесхозу, наблюдается заметное ослабление древостоев, гибель подроста и отдельных деревьев²⁴.

Однако перевод в парк не стоит считать отказом от менеджмента насаждений. Данное решение предполагало, что на определенных территориях будет создана инфраструктура, регламентирующая поведение и отдых туристов в лесных насаждениях. Это в итоге должно было способствовать восстановлению древесной растительности. Для сотрудников ЛОС создание парка означало, помимо ряда практических мероприятий по преобразованию ландшафта (например, берегоукрепительные работы), и работу, связанную с регулированием посещения людьми данных зеленых территорий, «строгого режима использования этих участков леса для отдыха»²⁵.

Одной из важных технологий управления лесными насаждениями было их картирование, размещение категорий насаждений в пространстве городка. При обследовании рекреационные насаждения были поделены на пять категорий:

1. Лесные массивы, очень слабо используемые в рекреационных целях. Это преимущественно березовые насаждения колочного характера, расположенные среди сельскохозяйственных угодий экспериментального хозяйства.
2. Леса, испытывающие относительно слабое рекреационное воздействие. Расположены от границы застройки на расстоянии более 800 м.
3. Лесные участки с умеренной антропогенной нагрузкой. Удалены от жилой зоны на 500–800 м.
4. Участки леса с высокой рекреационной нагрузкой. Они расположены в 200–500 м от границы застройки, некоторые

²⁴ Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения Научного городка СО АН СССР. Новосибирск: ЦСБС СО АН СССР, 1967. С. 48.

²⁵ Генеральная схема лесопаркового устройства и озеленения Научного городка СО АН СССР. С. 48.

из них находятся внутри жилых кварталов. 5. Насаждения с очень интенсивным рекреационным использованием. Примыкают к селитебной зоне или находятся в ее границах²⁶.

Упомянутые пять категорий лесных насаждений, в свою очередь, распределялись по трем крупным зонам: селитебной, лесопарковой и пригородной. Примечательно, что и зоны, и категории лесов определены не только согласно их ботанической классификации (например, «березовые колочные»), но и согласно иным критериям: степени воздействия людей на лесные насаждения, близости к жилым строениям города и интенсивности рекреационного воздействия. Причем пространство городских лесов существует в двух вариациях: чем дальше от жилых домов, тем меньше становится нагрузка на насаждения и наоборот. Последняя категория лесов и вовсе фактически смыкается с микрорайонами, она расположена в «селитебной зоне».

Картирование было не единственным элементом программы, описывавшим и размечавшим территорию городка. Двумя другими важными объектами изучения в городе стали его почвы и травяной покров в лесу. Почему именно эти объекты были выделены учеными? Дело в том, что на состояние лесных насаждений влияет связь деревьев с другими компонентами сложной лесной экосистемы – с почвами и покровом. Температура, влажность, степень уплотненности почвы способствуют или препятствуют росту корней деревьев, что помогает им добывать питательные вещества. Подрост и травяной покров в свою очередь служат индикатором способности леса к воспроизведению – новым деревьям неоткуда появиться, если нет проросших из семян или шишек молодых побегов. В одной из работ Таран приводит стадии смены травянистой растительности при протаптывании тропинок. Деревья могут выглядеть на первый взгляд здоровыми, но анализ почв и покрова позволяет засвидетельствовать начинающуюся трансформацию леса в парковую зону. Визуальные свидетельства трансформации травянистых покровов могли использоваться и как пример позитивных изменений. Таран приводит в своих работах целый ряд иллюстраций, в которых травянистый покров на изолированных сотрудиниками ЛОС участках растительности обозначается именно как соответствующий лесу, а не парку²⁷.

²⁶ Таран И.В., Спиридонов В.Н. Устойчивость рекреационных лесов. С. 141–142.

²⁷ Стоит заметить, что в работах Тарана и других сотрудников ЛОС фактически не фигурируют животные, населяющие леса Академгородка. Возможно, это обусловлено профессиональной специализацией их как ботаников, но животные оказались исключенными из леса как экосистемы. Она выстраивается в контексте взаимодействия с ней жителей Академгородка, причем опять же только людей (любопытно, как воздействуют на лес,

Ближе всего к тому, что Сорлин именует *shaping*, находятся следующие, перечисляемые Тараном и Спиридоновым компоненты технологии формирования лесов:

- 1) проведение комплексных рубок ухода и ландшафтных рубок с целью формирования устойчивых насаждений с одновременным уходом за нижними ярусами растительности (подростом, подлеском, травяным покровом);
- 2) создание молодой устойчивой смены под пологом ослабленных насаждений в порядке реконструкции и формирования высокодекоративных ландшафтов;
- 3) стабилизация маршрутов движения пешеходов с целью ослабления отрицательного влияния человека на лес путем устройства дорожно-тропиночной сети и живых изгородей, а также специальных мест для отдыха (скамейки, беседки и др.);
- 4) лечение ослабленных и поврежденных деревьев;
- 5) временное исключение (на 3–5 лет) из сферы пользования сильно нарушенных и ослабленных участков леса (лес на отдыхе) с проведением мероприятий по уходу за почвой, улучшению роста и повышению устойчивости насаждений;
- 6) содействие естественному возобновлению;
- 7) защитные, противопожарные и биотехнические мероприятия;
- 8) регламентация поведения человека в лесу путем разъяснительной природоохранной работы среди населения²⁸.

Хотя в рамках данной статьи и не используются методы анализа дискурса как таковые, но в приведенном фрагменте стоит обратить внимание на риторику описания. Можно сказать, что все мероприятия описаны как активные, предполагающие деятельную работу ботаников. Как отмечалось выше, сам Таран и его коллеги не раз высказывались о необходимости возвращения леса к его некоему естественному недостижимому состоянию («содействие естественному возобновлению»). В целом можно сказать, что мероприятия скорее направлены на поощрение вмешательства человека в дела леса, и по сути должны были сконструировать комплексную систему «человек-лес». Специалисты ЛОС должны были обеспечить воспроизводство насаждений, успешную смену старых деревьев молодыми, удаление «плохих» деревьев

например, домашние животные). Вопросами же животных, в частности, птиц лесов, могли заниматься, например, сотрудники Биологического института СО АН СССР. См.: Цыбулин С.М. Птицы диффузного города (на примере новосибирского Академгородка). Новосибирск: Наука, 1985.

²⁸ Таран И.В., Спиридонов В.Н. Устойчивость рекреационных лесов. С. 144–145.

посредством вырубки. Подобная позиция далека от крайних проявлений логики консервации природы, предлагающей ее зафиксировать в некоторой воображаемой точке. В то же время она, как представляется, и не в чистом виде преобразовательская, «прометеевская». Обе этих логики соседствовали в советских «моделях природы», что отмечал еще Д. Вейнер, и в позднесоветском обществе, по-видимому, смешивались. Ученые-ботаники Новосибирска исходили из задачи сохранить как можно больше лесов в Академгородке посредством управления этими лесами. Но в каком-то смысле «идеал» леса все же виделся ими в самовоспроизводящемся лесе. Не очень ясно, в какой момент (если этот момент вообще достижим в отношении Академгородка), лес должен был начать возобновляться сам, если он находился под постоянной «антропогенной нагрузкой».

Стоит обратить внимание, что в приведенной Тараном и Спиридоновым схеме мероприятий есть не только меры воздействия на деревья, но и способы влияния на горожан, особенно пункты, связанные с созданием тропинок в лесу и «регламентацией поведения». Интересно, что сюжет с тропинками является точкой пересечения мемуарного «мифа-основания» и интерпретации Тарана. М.А. Лаврентьев в своих воспоминаниях пишет, что «пешеходные тропинки в лесу посыпались песком и гравием только после того, как жители «голосовали ногами» за оптимальные маршруты»²⁹. Таран и Спиридонов дополняют эту картину: ЛОС курировал, начиная с 1969 г., создание тропинок с покрытием из асфальта, бетона и гравия. «В большинстве случаев они устраиваются по проложенным пешеходами тропам»³⁰. Причем в некоторых публикациях сотрудники ЛОС считали стихийную сеть тропинок скорее минусом. Вероятно, потому что она была слишком обширной и довольно хаотичной и наносила большой урон насаждениям. Можно предположить, хотя напрямую это и не зафиксировано в источниках, что несколько стихийных тропинок были засыпаны гравием и песком, остальные же постепенно вышли из употребления и заросли травой. В настоящий момент многие тропинки забетонированы и им присвоены имена видных ученых Новосибирского научного центра. Таким образом произошло окончательное закрепление проложенных в лесу маршрутов и наделение их символическим значением через присвоение чьего-либо имени.

Последний интересный компонент технологий менеджмента – изоляция лесных насаждений в городке. По словам Тарана и Спиридонова, сотрудники ЛОС отгораживали участок леса, вешали таблички о том, что он закрыт для

---

²⁹ Век Лаврентьева / составители Н.А. Притвиц и др. Новосибирск: Издательство СО РАН; филиал «Гео», 2000. С. 144.

³⁰ Таран И.В., Спиридонов В.Н. Устойчивость рекреационных лесов. С. 147.

прохода, проводили санитарные рубки, рыхлили почву и вносили удобрения. Участок закрывался на несколько лет. Скорость и характер его восстановления зависели от степени поврежденности участка, соблюдения его изолированности и характера посадок. Быстрее всего восстанавливались участки с посадками осины, затем березовые насаждения, медленнее всего – сосновые. За несколько лет удавалось восстановить характерный для лесных посадок травяной покров и уменьшить уплотненность почвы. Примечательно, что одним из признаков восстановления участка считалась смена растительности на нем:

почти полностью вытеснились сорные, не характерные лесным фитоценозам виды: подорожник, горец птичий, одуванчик и др.³¹

Менеджмент леса в данном конкретном случае подразумевал восстановление некоего естественного качества, при этом упускалось из виду, что поддерживать это качество мог только человек (внося удобрения, рыхля почву и огораживая участки насаждений).

Идея «огораживания» леса вызывала иногда совершенно неожиданные ассоциации. Вот какой сюжет приводит И.В. Таран в своих мемуарах:

- Михаил Алексеевич [Лаврентьев], восстановление лесных ландшафтов разграничительной полосы в микрорайоне А очень сложное и затратное... Для восстановления необходима постройка их на трехлетний отдых с полной изоляцией от рекреационного использования.
- А как Вы намерены делать эту изоляцию?
- ...Единственный выход – огораживание.
- Как огораживание? Колючей проволокой? ...ГУЛАГ для леса в Научном центре создавать не будем...³²

Не до конца понятно, почему ограждение леса некоторым барьером ассоциировалось у академика Лаврентьева именно с ГУЛАГом. Вспоминая об этой же беседе с академиком, Таран указывает и на другую предложенную технологию оповещения – развешивание по лесу плакатов «Лес на отдыхе. Просьба не ходить». В мемуарах Тарана приводятся и фотографии участков леса до их изоляции и исключения из рекреации, и спустя несколько лет, призванные продемонстрировать читателю успешное восстановление травяного покрова.

³¹ Таран И.В., Спиридонов В.Н. Устойчивость рекреационных лесов. С. 151.

³² Таран И.В. Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. С. 60.

Заключение

Оказался ли в итоге лес, курируемый ЛОС, управляемым и устойчивым? В рамках статьи деятельность новосибирских ученых-ботаников была рассмотрена через призму идеи Сорлина и Вормбс о преобразовании природы в окружающую среду. Специфика лесов новосибирского Академгородка хорошо объясняется этой моделью. Зеленые насаждения, некогда имевшие характер «естественного» леса, оказались включены в ходе застройки в ткань микрорайонов городка или стали зоной активной пригородной рекреации. Ботаники Академгородка столкнулись с нетривиальной задачей не просто ухода за парком или садом, а с необходимостью поддержания именно лесной экосистемы и регулирования пользования лесом в рекреационных целях. Лес Академгородка представлялся ученым объектом, нуждающимся в поддержании своей естественности³³.

При описании используемых технологий менеджмента леса Таран и его коллеги выдвигали на передний план мысль о том, что они стремятся вернуть лесу его некое естественное состояние. Изолирование участков леса, рыхление почв и внесение минеральных удобрений, рубки и лечение деревьев – все это должно было поддерживать определенное состояние леса, которое в действительности естественным не являлось. В данном случае лес приобретал черты социотехнического воображаемого, как его понимает Шейла Ясановф³⁴. При этом все описанные технологии вполне укладываются в «прометеевскую», преобразовательную логику взаимодействия человека с природой. Отличительная черта позднесоветского «прометейства» в Академгородке состояла в том, что оно понималось не как покорение природы в угоду человеческим потребностям, но скорее как стремление к регулированию взаимоотношений между горожанами и их лесом.

Однако сам Таран в одной из своих работ оговаривается, что развитие современного города все равно невозможно остановить и индустрия стремится к уничтожению природы. В этом признании зафиксировано главное напряжение в отношениях Академгородка и его леса. В мемуарах М.А. Лаврентьева повторяется та же мысль – при проектировании городка была допущена ошибка в расчетах предполагаемой численности населения, и уже в 1960-е гг. реальное число жителей превзошло проектные показатели. Указанное противоречие сохранилось и в постсоветские годы, обостряясь с изменением социально-политической ситуации в стране.

---

³³ Схожая концепция некоего естественного состояния леса прослеживается не только в СССР, но и в других странах. См. *Кюстлер Х.* История леса: взгляд из Германии.

³⁴ *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power* / edited by S. Jasanoff, S.-H. Kim. Chicago; London: Chicago University Press, 2015.

Логика урбанизации и развитие Академгородка в сторону «спального» района, жители которого не обязательно связаны по роду занятий с Академией наук, требует выделения новых площадей под расширение жилой застройки. Еще один важный актор, влияющий на судьбу и состояние леса, – Новосибирский государственный университет. В июле 2022 года экологические активисты городка организовали серию пикетов против строительства корпусов двух новых научных центров, реализуемого в рамках проекта развития кампуса НГУ. Протестующие пытались отстоять неприкосновенность лесных территорий, но ни у университета, ни у городка нет иных удобных территорий для развития, кроме лесных, что стимулирует дополнительную напряженность ситуации.

Часть ученого сообщества Академгородка, по крайней мере, ботаники и биологи, придерживаются позиции, что лес за 1990-е – 2000-е годы во многом пришел в запустение:

прекратились не только посадки деревьев и кустарников, но даже и просто уход за территорией; происходило быстрое неконтрольное зарастание верхней зоны, окружающие леса стали превращаться в свалки мусора³⁵.

В приведенной цитате стоит обратить внимание на указание того, что лес теперь оказывается предоставлен сам себе – «бесконтрольное зарастание». Кроме того, появившийся внутри жилых кварталов и в лесных насаждениях новый вид – американский клен – воспринимается как сорное растение. И.В. Таран в одной из последних своих публикаций воспроизвел расхожую в городе мифологию о том, что лес Академгородка – наследие академика Лаврентьева, при этом оценив состояние леса как катастрофическое³⁶. Выход из положения ботаники Академгородка по-прежнему видят в технологиях создания окружающей среды. Однако в современных условиях они скорее должны быть переориентированы на поддержание сформировавшейся экосистемы, где люди будут сохранять леса в жилых микрорайонах и осуществлять комплекс мероприятий по поддержанию лесных насаждений,

---

³⁵ Жимулев И.Ф. Новосибирский академгородок – особый город с диффузной застройкой – город-лес // *Природа Академгородка: 50 лет спустя* / под редакцией И.Ф. Жимулева. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2007. С. 21.

³⁶ Таран И.В. Проблема сохранения лесов и объектов зеленого строительства // *Динамика экосистем Новосибирского Академгородка* / под редакцией И.Ф. Жимулева. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2013. С. 14.

примыкающих к территории жилых кварталов³⁷. Какие бы мероприятия ни предлагались, ученые по-прежнему связывают судьбу леса с технологиями, которые находятся в руках людей.

Будущее академгородковского леса вряд ли радужно. Тот большой комплекс технологий и практик, который можно реконструировать в работах И.В. Тарана и его коллег, возможен лишь в определенных рамках. Эти рамки можно описать и как финансовые, и как идеологические (что не менее важно). ЛОС при руководстве Тарана поддерживалась денежными средствами со стороны Сибирского отделения АН СССР, а на идеологическом уровне позднесоветские отношения с природой также стимулировали масштабное озеленение городской среды. В современной ситуации эти важнейшие рамки фактически отсутствуют, а без них отдельные технологические меры по поддержанию лесов вряд ли принесут значимые плоды.

---

³⁷ Банаев Е.В., Чиндяева Л.Н., Киселева Т.Н. Современное состояние и перспективы развития озеленения // Динамика экосистем Новосибирского Академгородка / под редакцией И.Ф. Жимулева. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2013. С. 110–127.

Introduction

The scientific center of the Siberian Branch of the Academy of Sciences near Novosibirsk, better known as Akademgorodok, was founded in 1957. One of the distinctive features of this part of Novosibirsk is the proximity of Akademgorodok to the Siberian taiga. Anyone who has been to Akademgorodok will notice that it is surrounded by forests and, moreover, trees partially grow right inside residential neighborhoods. Almost since the moment of its appearance, this feature of Akademgorodok has become the most important part of the local founding myth: supposedly, the forest was specially preserved by the builders of the city of science, and all these years it has been carefully protected by the efforts of its inhabitants. The idea of the founding myth, as F. Corney understands it,¹ assumes that any community is constructed around a mythologized history of its origin. The preserved taiga forest, the care for it, the paths through the thicket between the institutes – all this should support the history of the exclusivity of the city of science built in Siberia. Like any founding myth, the history of the forest in Akademgorodok combines various omissions with even more exciting facts.

However, when we begin to go deeper into the forest, its paths lead us to slightly different scenes. The myth of Akademgorodok, as far as it concerns the forest itself, tells only about the movement of the Central Botanical Garden of the Siberian Branch of the Academy of Sciences to Akademgorodok and creation of the Forest Protection Experimental Station at it and their activities are mainly described as the conservation of the Siberian taiga. But if we pay more attention to specific narratives, various remarkable stories may open up for a curious person. The Forest Protection Experimental Station (hereinafter FPES) was founded almost immediately after the establishment of the Siberian Branch, that is on November 11, 1957. As the name suggests, the main task of this division of the Botanical Garden was to protect the forests of Akademgorodok. However, before considering the history of the FPES and the green spaces of the scientific center, I would like to outline the framework of interpretation that will help the curious traveller not to get lost on their winding paths.

History of the forest: a view from the Soviet Union

The history of the forest in Akademgorodok is only a part of a larger narrative about the relationship between Soviet society and its forest resources. Recently, more and more research works have been published that mark the place of forests in the cultural landscape of various societies.² A number of authors explore the role of

---

¹ F. Corney, *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution* (Ithaca; London: Cornell University Press, 2004).

² J.T. Costlow, *Heart-Pine Russia. Walking and Writing the Nineteenth-Century Forest* [in Russian], trans. L.A. Rechnaya (St Petersburg: BiblioRossika; Boston: Academic Studies Press, 2020); H. Küster, *History of the Forest: A View from Germany* [in Russian], trans. N. Shtil'mark

forests in the policies of Imperial Russia and the Soviet Union. Some researchers turn to the history of the forest as a resource, in particular, E. Kochetkova analyzes in detail the problems of the forest industry of the USSR in her articles.³ However, S. Brain is the only author who has written a “cultural history” of forests based on the Soviet material, considering them in the context of Russian and Soviet culture and placing the narrative about forestry in the 1920s–50s within the framework of a historiographical discussion about the principles of the Soviet environmental policy and its practices.⁴

The abovementioned works also consider the contexts of interaction between society and the forest as a natural object that humans colonize and use as a resource for industry. At the same time, as part of the development of the “garden city” idea in Soviet urban planning, the thought of creating cities in forests appeared at a certain point in time. In one of our articles, my colleagues R. Bugaev, M. Piskunov, and I have already considered the broad context of the Akademgorodok’s “forest city,”⁵ therefore I will not dwell upon the conceptual issues in this article. Akademgorodok was not the only territory in the USSR where an attempt was made to integrate forest ranges into the fabric of the city, but the instance of Siberia is perhaps the most famous one. Urban forests similar to those of Akademgorodok represent an extremely interesting subject for study, primarily as a material embodiment of the Soviet view on the possibility of coexistence of an industrial city and the natural environment, a socialist version of ecological urbanism. The works devoted to ecological urbanism in the USSR that have been published so far, as a rule, consider the inclusion of forests in the city structure from the point of view of urban planning ideas, without delving into the question of what happens to the forest ecosystem after its

---

(Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012); E. Loomis, *Empire of Timber: Labor Unions and the Pacific Northwest Forests* (Cambridge: Cambridge University Press, 2017); C. Watkins, *Trees, Woods and Forests: A Social and Cultural History* (London: Reaction Books, 2016).

³ E. Kochetkova, “Industry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from the Mid-1950s to the 1960s,” *Environment and History*, vol. 24, no. 3 (2018): 323–47; E. Kochetkova, and A. Popov, “Socialist Construction for Siberia: Comecon Cooperation and the Making of Ust'-Il'msk Forest Industrial Complex in the USSR, 1970s and 1980s,” *Journal of Contemporary History*, vol. 57, no. 2 (2022): 479–98; E.A. Kochetkova, “Notions of Siberia’s Industrial Forests among Specialists in the USSR, 1940s – 1991” [in Russian], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (74) (2022): 173–80.

⁴ S. Brain, *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953* (Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2011).

⁵ R. Bugaev, M. Piskunov, and T. Rakov, “Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The ‘Forest City’ of Novosibirsk Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary,” *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 48, iss. 3 (2021): 289–313.

combination with urban space.⁶ The specifics of landscaping practices in the context of the construction of new science cities are analyzed in a recent publication by Alexandra Kasatkina. Based on the example of Obninsk, Kasatkina puts forward the idea that the discourse of the “garden city” was a way of forming a new identity of citizens.⁷ In the Novosibirsk Akademgorodok, the forest, apparently, also plays an extremely important role in the self-identification of its residents.

In this article, I nurture a plan to understand how late-Soviet ecological urbanism was implemented in practice in a single place, which is Akademgorodok, and for this I propose to consider how the leadership of the FPES and the Botanical Garden cared for the forests entrusted to them. As mentioned at the very beginning, the myth that the remains of the Siberian taiga grow in the territory of Akademgorodok the science city and that during construction the forest here was preserved on the initiative of Academician M. Lavrent'ev is extremely important for Akademgorodok. Local environmental activists largely continue to defend the forest against logging, positioning it as Lavrent'ev's heritage and an original natural part of the city's landscape. However, it should be borne in mind that Akademgorodok's myth practically ignores the great work that has been done by botanical scientists to manage the forest surrounding Akademgorodok.

Deconstruction of the myth and reconstruction of the history of forest management in Akademgorodok is possible through the use of the ideas of S. Sörlin and N. Wormbs about the technologies for transforming the surrounding nature into the environment.⁸ These authors propose to distinguish between the concepts “nature” and “environment,” the latter denoting the objects that bear the stamp of interaction between humans and the landscapes adjacent to them. Moreover, nature is always transformed by man into the environment through certain “technologies.” The above-mentioned authors understand the concept of technology quite broadly. Among other things, it means a description of certain features of nature that transform it into environment. The technologies associated with direct physical interaction with nature

---

⁶ S.S. Dukhanov, “Problems of Standard Design in Western Siberia at the End of 1950 – the 1960s” [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, vol. 23, no. 1 (2021): 19–33; M.S. Mostovenko, “From the ‘Garden City’ to the ‘Hell City’: The Problem of Air Pollution in the City of Omsk in the 1960s–the 1980s” [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 73 (2021): 13–18; I.N. Stas', “Concepts of Landscaping and Environmental Issues in the Soviet Master Plans of Surgut (1964–1990)” [in Russian], *Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6 (51) (2017): 96–103.

⁷ A. Kasatkina, “On the Poetics and Practice of Modern Urbanism: The ‘Garden City’ as a Technology of Social Integration in Obninsk in the 1960s” [in Russian], *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, no. 14 (1) (2022): 30–59.

⁸ S. Sörlin, and N. Wormbs, “Environing Technologies: A Theory of Making Environment,” *History and Technology*, vol. 34, iss. 2 (2018): 101–25.

are designated by Sörlin and Wormbs by the word “shaping.” Of interest for this article is the fact that these technologies also include the entire range of practices associated with forestry.

The main sources used for the analysis of technologies shaping the environment in Akademgorodok and the practices of ecological urbanism are scientific publications and memoirs of the FPES director Ivan V. Taran. He headed the station in 1965, and the twenty years of his leadership of the station were the most active period of forest management work. I did not resort to an analysis of scientific discourse in Taran's works, but rather tried to reconstruct examples of what I call technologies for shaping the environment, following Sörlin and Wormbs, be it descriptions of the Akademgorodok forests or a list of activities to “shape” them. Within the framework of the article, only a few of Taran's works will be analyzed. However, it should be noted that there are significantly more of them, and a careful reading of the complex of works of the scientist shows that the key ideas on forest management of the scientific center are generally repeated from one work to another. Even the memoirs published in 2015 combine in some sense the traditional genre of memoirs, reflecting the meetings and communications of I. Taran with people central to the history of Akademgorodok (M. Lavrent'ev and V. Lavrent'eva, and E. Ligachev) and genre of scientific monograph, when presenting Taran's ideas on the possibility of creating and maintaining green spaces in Akademgorodok.

I propose to consider all the actions of foresters and botanists of Novosibirsk Akademgorodok through the prism of two technologies – “description” and “shaping,” since Taran and his colleagues practiced these very technologies: they described the state of the forest that came under their jurisdiction and carried out a whole range of forestry works that was then analyzed in their numerous publications. As a result, a kind of sequence of actions emerged: Description 1 ↔ Shaping ↔ Description 2. First of all, let us address Description 1, within the framework of which Taran and his colleagues outlined their understanding of forest in the city and how it needs to be dealt with.

Forest as a resource and an asset

Before starting to describe the activities of FPESs in a number of their works, Taran and his colleagues explain the natural and human value of the forest and the need for its conservation specifically in cities. Their works suggest the division into natural and human, although the terms themselves are conventional, of course.

An example of how Taran and his colleagues understood the value of forests is the monograph *Ustoichivost' rekreatsionnykh lesov* [Sustainability of recreational forests]. It was written by the director of the FPES in collaboration with Vladimir Nikolaevich Spiridonov, another employee of the station, and published in 1977. This is what they write at the very beginning of their work:

The accelerated development of the national economy in our country, the increase in living standards, and the balance of free time of the population have significantly changed the relationship between man and nature. Under these conditions, forests as the main component of the planet's green cover are given great importance, including recreational importance.⁹

Literally from the very beginning, a certain framework for considering the usefulness of forests including natural ones is set: they become important' in connection with the development of industry. Apparently, here Taran and Spiridonov capture an important feature of the industrial society of their time, i.e. the increase in the value of nature as urbanized and industrialized landscapes encroach on the natural ones. Another important thing that the authors pointed out but modern researchers do not always pay due attention to is that with the growth of the urban population and the improvement of working conditions, some representatives of the working class had more free time, which city residents preferred to spend out of town but not far from it. In a later work devoted to the green spaces of Novosibirsk in general, Taran would write that the increase in population mobility in the early 2000s leads to an ever-increasing load on forests, which were becoming more accessible thanks to many railways and highways, and even build a classification of anthropogenic load based on this accessibility.¹⁰ In Taran's rhetoric, the importance of forests increases precisely because of the growth of the urban population; "In these conditions, forests are given great importance, recreational importance among other aspects."

Further in the monograph, Spiridonov and Taran pay quite a lot of attention to what I propose to call the "natural" usefulness of the forest. In fact, the entire first chapter of their book is devoted to it. Already in the introduction, they distinguish between the "natural" and the "human":

In the era of the scientific and technological revolution, the versatility of the usefulness of forests is steadily increasing. Forest is a source of various raw materials for many sectors of the national economy. At the same time, it performs protective, water protection, anti-erosion, balneological, aesthetic, recreational, and other useful functions, united in forestry science into the general concept of "intangible benefits of the forest."¹¹

The first group of "benefits" of the forest is related to the national economy and the authors do not touch upon it, since they are most interested in what is associated with

---

⁹ I.V. Taran, and V.N. Spiridonov, *Sustainability of Recreational Forests* [in Russian] (Novosibirsk: Nauka, 1977), 3.

¹⁰ I.V. Taran, V.N. Spiridonov, and N.D. Belikova, *Forests of the City* [in Russian] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2004), 92–95.

¹¹ Taran, and Spiridonov, *Sustainability of Recreational Forests*, 5.

“intangible benefits.” The second group of “benefits” of the forest also refers to the forest as a resource for human society, but the resource is not so much industrial as post-industrial, i.e. a source of maintaining urban landscapes and a comfortable environment of which nature should become an important part.

One of the significant “natural” functions of forests relevant for the urban population is the functioning of forest ranges as a “green filter.” Taran and Spiridonov pay close attention to the fact that forests release oxygen into the air, ionize air, and absorb harmful gases: “By retaining solid and gaseous impurities, they serve as a filter that purifies the atmosphere of cities and villages.”¹² This idea continues the line of assessing forests as a useful resource, in particular as a source of “natural” air purification. Further, the authors note the influence of green spaces on the temperature regime in the city, air humidity, and dust content in it, emphasizing the absorption of noise by plants, the release of phytoncides by them and their antibacterial properties.

The narrative about the usefulness of forests for the climate of cities was not the invention of I. Taran and his colleagues. Other Soviet authors also wrote about this. Many books on landscaping mention the fact that plants reduce the level of gas pollution, the amount of dust and noise, and perform an important windproof function:

Green spaces. . . clean the air from dust, soot, smoke-black and various gases. . . They moderate the strength of the winds, protecting the area from their harmful influence.¹³

S. Kurashov, Minister of Health of the USSR in 1959–65, used the common metaphor of the lungs of the city for green spaces.¹⁴ Moreover, in the 1960s, 1970s, and 1980s, Soviet landscape architects maintained this focus, constantly pointing out the usefulness of plants in improving the climate in the city.¹⁵

Like other authors of landscaping works, Taran distinguishes between types of trees according to the degree of their usefulness. In particular, he notes that gases are best absorbed by deciduous forests, but beneficial phytoncides are most actively released by coniferous forests. Determining the degree of usefulness, in a sense, is

---

¹² Taran, and Spiridonov, *Sustainability of Recreational Forests*, 7.

¹³ K.P. Lange, and N.A. Nazarenko, *Landscaping* [in Russian] (Kuibyshev: Knizhnoe izdatel'stvo, 1961), 3.

¹⁴ S.V. Kurashov, *Redevelopment, Landscaping and Improvement of Sanitary Condition of Cities: Co-Report by S.V. Kurashov, Minister of Public Health of the USSR* [in Russian] (Moscow: Gosstroizdat, 1960), 29.

¹⁵ S.I. Severin, *Integrated Landscaping in Urban Improvement* [in Russian] (Kiev: Budivel'nik, 1975), 3.

also a technology for shaping the environment, since plants declared “useful” or “valuable” are more likely to be saved from cutting down than those considered “not valuable.” Taran confirms the influence of this division, noting that the least valuable aspen groves were cut down during construction.

Forest description technologies

In addition to the general description of the usefulness of urban green spaces, which were to lead the reader to the idea of the need to preserve them, Taran also introduces the forest that was under the jurisdiction of the Forest Protection Experimental Station in Akademgorodok. As noted above, both “shaping” and “describing,” if we follow the thought of Sorlin and Wormbs, coexist as practices of transforming nature into the environment. Accordingly, before analyzing the forest management carried out by FPES employees, it is necessary to justify its necessity by describing the situation that developed in the surrounding forests during the construction of Akademgorodok.

The concept of anthropogenic load is one of the most important descriptive tools in Taran's and his colleagues' works. The forest in Akademgorodok was located directly near the city or within its boundaries, and therefore human impact was the key factor in the processes the forest underwent. But what does the term “anthropogenic load” imply? In 1959, during the early stages of the construction of Akademgorodok, the FPES began counting the damage to forests caused by construction workers.¹⁶ Moreover, this activity was immediately brought into the public space – the leadership of the FPES planned to give lectures on forest protection and publish an article in the *Akademstroevets* newspaper of the builders of Akademgorodok. Measures to influence the builders included a threat to issue no cutting permits unless “forest violations” stopped.¹⁷ However, builders continued to violate the existing forest protection boundaries, in particular, during the construction of the hospital, trees were damaged by cranes. The contractor refused to name the persons who had broken the rules. Outraged by the situation, the FPES employees dubbed everything that was happening “forest banditry.”¹⁸ This story from 1959 shows that in many ways the story about preserving the forest in Akademgorodok silences the opinions of the actors who had a different attitude to the green environment of the city than the FPES. The builders in this story did not have a voice of their own, which would be reflected in archival documents, and therefore we do

---

¹⁶ “Materialy o deyatel'nosti Lesozashchitnoi opytnoi stantsii” [Materials on the activities of the forest protection experimental station]. F. 10, op. 3, d. 84, l. 1. Nauchnyi arkhiv Sibirskogo otdeleniya RAN [Scientific archive of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences] (Nauchnyi arkhiv SO RAN), Novosibirsk, Russia.

¹⁷ Ibid., l. 3.

¹⁸ Ibid., l. 10.

not know how they felt about the forest and the possibility of preserving it. Only the view of the botanists on “forest violations” is known to us. The myth of Akademgorodok, as can be assumed from this small story, seems to expel some groups (for example, builders) from its structure and represent the activities of others (botanists) as universal ones. Be that as it may, the activity of FPESs at this stage fits perfectly into the logic of nature conservation rather than into the “Promethean” idea of its transformation.

In their works, Taran and Spiridonov did not in any way reflect the above story about tree felling and violations of forest protection zones. The authors strive to create a picture of the maximum possible preservation of trees. However, they also note a significant change in the forest landscape that occurred during construction:

Before construction, there were three forest areas separated by arable land from the continuous forest within the boundaries of the territory under survey. During the construction works, the plants were divided into small areas and separate groups of trees by buildings, streets, and driveways (167 areas in total). The majority of the newly-formed forest areas (78.4%) do not exceed 0.3 hectares in size. The forest situation on them has changed dramatically, which, in turn, led to disruption of the growth and general condition of the trees.¹⁹

In the above quotation, Taran states the deterioration of the condition of the forest and links it with a significant reduction in the size of forest areas resulting from construction. The director of the FPES proposes a technology for creating an environment from the forests of Akademgorodok by identifying forest plots and delimiting them by area. Why was the size criterion important? Taran believed that only a continuous forest with an area of at least 1 hectare is capable of functioning as a forest, at least in miniature, and smaller plots become areas where the growth and condition of trees are disturbed. It remains not entirely clear whether Taran considered small-sized areas to be parts of the forest (albeit incapable of preservation) or, in the scholar's mind, they acquired a different status. Such delineation of areas was necessary in order to develop a plant management program suitable for a specific area in the first place.

I consider it advisable for the FPES employees to conduct a detailed examination of the preserved areas... with an assessment of their condition and the

---

¹⁹ Taran, and Spiridonov, *Sustainability of Recreational Forests*, 39; I.V. Taran, *Recreational Forests of Western Siberia* [in Russian] (Novosibirsk: Nauka, 1985), 114.

determination of a system of silvicultural measures to increase their sustainability.²⁰

Most active forest management began when Taran headed the FPES in 1965. The first steps to shape the Akademgorodok's environment resonate with certain provisions of Sörlin's idea of "shaping." The very measure taken by Taran in his new position was a month examining the condition of trees (including single trees) in Akademgorodok and treating pines along Morskoi Prospekt. By 1965, it had become clear that the trees planted there were weakening, and Taran took a number of actions to save them, such as increased fertilizing.²¹ Practical work on tree care was associated with the technology of "description." According to Taran's memoirs, following the results of the month, it was decided, first of all, to speak to the Presidium of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences with a report on measures to preserve forests and to prepare a general outline for urban forests arrangement and landscaping of Akademgorodok.

Any technology and program for shaping the environment required resources, and in this matter Taran received patronage at the highest level from Academician M. Lavrent'ev, the founder of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, who approved the main vector of activities of the FPES and, most importantly, a threefold increase of the station's budget.²² Taran was now invited to report to the meetings of the Presidium. In 1966 and 1967, resolutions were adopted confirming the direction of the FPES's work. Thus, the description, shaping, and description again were inextricably linked and presupposed an entire program within the framework of which the management of urban forests was to be carried out.

Forest Management Program

The FPES program was designed for a decade and included a set of activities aimed at studying and "describing" the state of Akademgorodok's forests and their further management (or "shaping"). Taran wrote:

the following tasks were set: 1) to identify the main factors influencing the growth, sustainability, and condition of recreational plantings; 2) to study the intensity of the impact of these factors on the composition and structure of phytocenoses as a whole and their tiers; 3) based on the research results and taking into account production experience, to develop measures to preserve and

---

²⁰ I.V. Taran, *From the History of the Central Siberian Botanical Garden of the Siberian Branch of the RAS* [in Russian] (Novosibirsk: GEO, 2015), 25.

²¹ Taran, *From the History of the Central Siberian Botanical Garden*, 50–55.

²² Taran, *From the History of the Central Siberian Botanical Garden*, 65.

increase the sustainability and durability of plantings under conditions of high anthropogenic load.²³

A three-part model of forest management work is presented, with the last part, although remaining close to descriptive activity, moving towards “shaping.” Not only should the development of a set of measures preserve forest plantations in the form in which they existed at the time of the study. The program was supposed to propose a number of measures aimed at the future and reducing the anthropogenic load on plants.

What measures were taken by botanists to effectively manage forests? Surprisingly, at times the FPES employees expressed ideas about the refusal of some of the existing forests. Thus, in the above-mentioned general layout, it was recommended to transform part of the green forest areas into parks:

The areas of forests most intensively used for recreation should be converted into parks. This applies primarily to the coastal areas of the forest along the shore of the reservoir, where, as a result of unsystematic use, especially of forests belonging to the Berdsky forestry enterprise, there is a noticeable weakening of forest stands, death of undergrowth and individual trees.²⁴

However, transfer to a park should not be considered a refusal of plant management. This decision assumed that an infrastructure would be created in certain territories to regulate the behavior and recreation of tourists in forest ranges. This ultimately should have contributed to the restoration of trees. For the FPES employees, in addition to a number of practical measures to transform the landscape (for example, bank protection work), the creation of the park meant work related to the regulation of people's visits to these green areas, “a strict procedure for using these forest areas for recreation.”²⁵

One of the important technologies of forest management was mapping, placing categories of plantings in the space of Akademgorodok. During the survey, recreational plantings were divided into five categories:

1. Forest areas very poorly used for recreational purposes. These are predominantly birch plantations of a split nature, located among the agricultural lands of the experimental farm.
2. Forests experiencing relatively weak

---

²³ Taran, *Recreational Forests of Western Siberia*, 113.

²⁴ *General Layout Plan of Urban Forest Arrangement and Landscaping in Akademgorodok of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences* [in Russian] (Novosibirsk: TsSBS SO AN SSSR, 1967), 48.

²⁵ *General Layout Plan of Urban Forest Arrangement*, 48.

recreational impact. Located at a distance of more than 800 m. from the building boundary 3. Forest areas with moderate anthropogenic load. 500–800 m away from the residential area. 4. Forest areas with high recreational load. They are located 200–500 m from the building boundary; some of them are located inside residential areas. 5. Plantings with very intensive recreational use. Adjacent to a residential zone or located within its boundaries.²⁶

The mentioned five categories of forest plantations, in turn, were distributed across three large zones: residential, urban forests, and suburban. It is noteworthy that both zones and categories of forests were defined not only according to their botanical classification (for example, birch trees) but also according to other criteria: the degree of human impact on forest plantations, the proximity to residential buildings in the city, and the intensity of recreational impact. Moreover, the space of urban forests exists in two variations: the further away from residential buildings, the less the load on the plants becomes, and vice versa. The last category of forests is actually adjacent to residential districts; it is located in the residential zone.

Mapping was not the only element of the program that described and marked the territory of Akademgorodok. Two other important objects of study in the city were its soils and grass cover in the forest. Why were these particular objects identified by scientists? The fact is that the state of forests is influenced by the connection of trees with other components of a complex forest ecosystem – soils and cover. Temperature, humidity, and the degree of compaction of the soil promote or inhibit the growth of tree roots, which helps them obtain nutrients. Undergrowth and grass cover, in turn, serve as an indicator of the forest's ability to reproduce – new trees have nowhere to appear if there are no young shoots sprouted from seeds or cones. In one of his works, Taran gives the stages of change of herbaceous vegetation when trampling paths. The trees may appear healthy at first glance, but analysis of the soil and cover reveals the beginning of the transformation of the forest into a parkland. Visual evidence of grassland transformation could also be used as an example of positive change. In his works, Taran provides a number of illustrations in which the grass cover in areas of vegetation isolated by the FPES's employees is designated precisely as corresponding to a forest rather than a park.²⁷

---

²⁶ Taran, and Spiridonov, *Sustainability of Recreational Forests*, 141–42.

²⁷ It is worth noting that the works of Taran and other FPES's employees hardly mention the animals that inhabit the forests of Akademgorodok. Perhaps, this is due to their professional specialization as botanists, but animals turned out to be excluded from the forest as an ecosystem. It is built in the context of the interaction of the Akademgorodok's residents with it, and again people only (it is interesting how, for example, domestic animals affect the forest). The issues of animals, in particular, forest birds, could be examined, for example, by the employees of the Biological Institute of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. See S.M. Tsybulin, *Birds of a*

The closest to what Sörlin calls shaping are the following components of forest formation technology listed by Taran and Spiridonov:

- 1) carrying out complex thinning and landscape felling in order to form sustainable plantings with simultaneous care of the lower layers of vegetation (undergrowth, underwood, grass cover);
- 2) creation of a young stable succession under the canopy of weakened plantings in order to reconstruct and form highly decorative landscapes;
- 3) stabilization of pedestrian routes in order to weaken the negative impact of humans on the forest by installing a road and path network and hedges as well as special places for recreation (benches, gazeboos, etc.);
- 4) treatment of weakened and damaged trees;
- 5) temporary exclusion (for 3–5 years) from use of heavily disturbed and weakened forest areas (resting forest) with the implementation of measures to care for the soil, improve growth, and increase the sustainability of plantings;
- 6) promoting natural regeneration;
- 7) protective, fire-fighting and biotechnical measures;
- 8) regulation of human behavior in the forest through explanatory environmental work among the population.²⁸

Although this article does not use methods of discourse analysis as such, in the above fragment it is worth paying attention to the rhetoric of the description. We can say that all events are described as active, involving the active work of botanists. As noted above, Taran himself and his colleagues spoke out repeatedly about the need to return the forest to its natural unattainable state (“promoting natural regeneration”). In general, it can be said that the activities were rather aimed at encouraging human intervention in forest affairs, and in essence were supposed to construct an integrated system “man–forest.” The FPES’s specialists had to ensure the reproduction of plants, the successful replacement of the old trees with young ones, and the removal of “bad” trees by cutting down. This position is far from the extreme manifestations of the logic of conservation of nature, which proposes to fix it at some imaginary point. At the same time, it seems to be not purely transformative, “Promethean.” Both of these logics coexisted in the Soviet “models of nature,” as D. Weiner noted, and in late Soviet society, they were apparently mixed. Novosibirsk botanists proceeded from the task of preserving as many forests in Akademgorodok as possible through managing these forests. But in a sense, they still saw the ideal forest to be self-reproducing. It is not very clear at what point (if this point is at all achievable in

---

Diffuse City (A Case Study of Novosibirsk Akademgorodok) [in Russian] (Novosibirsk: Nauka, 1985).

²⁸ Taran, and Spiridonov, *Sustainability of Recreational Forests*, 144–45.

relation to Akademgorodok), the forest was to begin to regenerate if it was under constant anthropogenic load.

It is worth noting that in the scheme of measures presented by Taran and Spiridonov, there are not only measures to influence trees but also ways to influence citizens, especially the points related to the creation of paths in the forest and “regulation of behavior.” It is interesting that the mention of paths is the intersection point of the memoir founding myth and Taran’s interpretation. M. Lavrent'ev wrote in his memoirs that “the walking paths in the forest were covered with sand and gravel only after the residents ‘voted with their feet’ for the optimal routes.”²⁹ Taran and Spiridonov completed this picture: starting from 1969, the FPES oversaw the creation of a path network covered with asphalt, concrete, and gravel. “In most cases, they are set up along the trails broken by pedestrians.”³⁰ Moreover, in some publications, the FPES’s employees considered the spontaneous network of paths to be a disadvantage, probably, because it was too extensive and quite chaotic and caused great damage to plants. Although it is not directly recorded in the sources, it can be assumed that several spontaneous paths were covered with gravel and sand while the rest gradually fell into disuse and were overgrown with grass. At present, many paths are concreted and named after prominent scientists of the Novosibirsk Scientific Center. Thus, the routes laid in the forest were finally consolidated and endowed with symbolic meaning through the assignment of someone’s name.

The last interesting component of management technologies is the isolation of forests in Akademgorodok. According to Taran and Spiridonov, the FPES’s employees fenced off a section of the forest, hung up signs stating that it was closed to passage, carried out sanitary felling, loosened the soil, and applied fertilizers. The site was closed for several years. The speed and nature of its restoration depended on the degree of damage, its isolation, and the nature of the plants. Areas with aspen were the fastest to restore, followed by birches, while pine plantations were the slowest. Over the course of several years, it was possible to restore the grass cover characteristic of the forest and reduce soil compaction. It is noteworthy that one of the signs of restoration of a site was a change in vegetation:

weed species not typical for forest phytocenoses – plantain, knotweed, dandelion, etc. – are almost completely replaced.³¹

---

²⁹ N.A. Pritvits et al., comps., *Lavrent'ev's Century* [in Russian] (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN; filial “Geo”, 2000), 144.

³⁰ Taran, and Spiridonov, *Sustainability of Recreational Forests*, 147.

³¹ Taran, and Spiridonov, *Sustainability of Recreational Forests*, 151.

Forest management in this particular case implied the restoration of a certain natural quality, while the fact was disregarded that only humans could maintain this quality (by adding fertilizers, loosening soil, and fencing areas of plantings).

The idea of fencing the forest sometimes evoked completely unexpected associations. This is the story cited by I. Taran in his memoirs:

“Mikhail Alekseevich (Lavrent'ev. – *T. R.*), restoration of forest landscapes of the demarcation strip in Microdistrict A is very complex and expensive... To restore it, it is necessary to put them on a three-year rest with complete isolation from recreational use.”

“How do you intend to do this isolation?”

“Fencing is the only way.”

“What kind of fencing? With barbed wire? . . . We won't create a Gulag for the forest at the Science Center. . .”³²

It is not entirely clear why Academician Lavrent'ev associated fencing of the forest with a barrier with the Gulag. Recalling the same conversation with the academician, Taran points to another proposed technology of warning, hanging throughout the forest the posters saying “Forest on vacation. Please do not walk.” Taran's memoirs contain the photographs of forest areas before they were isolated and excluded from recreation and several years later, designed to demonstrate successful restoration of grass cover to the reader.

Conclusion

Did the forest managed by the FPES turn out to be manageable and sustainable? In the framework of this article, the activities of Novosibirsk botanists were examined through the prism of Sörlin's and Wormbs's idea about the transformation of nature into the environment. The specifics of the forests of Novosibirsk Akademgorodok are well explained by this model. Green spaces that once had the character of a natural forest were included into the fabric of Akademgorodok's residential districts during development or became an active area of suburban recreation. Akademgorodok botanists faced the non-trivial task of not just caring for a park or a garden but with the need to maintain the forest ecosystem and regulate the use of the forest for recreational purposes. The forest of Akademgorodok was presented to scientists as an object in need of maintaining its naturalness.³³

When describing the forest management technologies used, Taran and his colleagues highlighted the idea that they were trying to return the forest to some kind

---

³² Taran, *From the History of the Central Siberian Botanical Garden*, 60.

³³ A similar concept of a certain natural state of the forest can be traced not only in the USSR but also in other countries. See H. Küster, *History of the Forest: A View from*.

of its natural state. Isolation of forest areas, soil loosening, applying mineral fertilizers, cutting and treating trees – all this was supposed to maintain a certain state of the forest, which in fact was not natural. In this case, the forest acquired the features of a sociotechnical imaginary as S. Jasanoff understands it.³⁴ At the same time, all the described technologies fit well into the transformative “Promethean” logic of human interaction with nature. A distinctive feature of late-Soviet “Prometheanism” in Akademgorodok was that it was understood not as the conquest of nature to serve human needs but rather as a desire to regulate the relationship between city residents and their forest.

However, in one of his works, Taran himself stipulated that the development of a modern city still cannot be stopped and the industry strives to destroy nature. This confession captures the main tension in the relationship between Akademgorodok and its forest. M. Lavrent'ev's memoirs repeat the same idea: when designing Akademgorodok, an error was made in calculating the estimated population, and already in the 1960s, the actual number of residents exceeded the projected figures. This contradiction persisted in the post-Soviet years, getting even worse with the changes in the socio-political situation in the country.

The logic of urbanization and the development of Akademgorodok towards a “dormitory” area, the residents of which are not necessarily related by occupation to the Academy of Sciences, requires the allocation of new areas for the expansion of residential development. Another important actor influencing the fate and condition of the forest is Novosibirsk State University. In July 2022, environmental activists of Akademgorodok organized a series of pickets against the construction of buildings of two new scientific centers, implemented as part of the NSU campus development project. The protesters are trying to defend the inviolability of forest areas, but neither the university nor Akademgorodok have any other suitable sites for development other than forest areas, which stimulates additional tension in the situation.

Part of the scientific community of Akademgorodok, at least botanists and biologists, adhere to the opinion that the forest largely fell into disrepair during the 1990s–2000s:

not only planting of trees and shrubs stopped, but even maintenance of the territory; there was a rapid uncontrolled overgrowth of the upper zone, and the surrounding forests began to turn into garbage dumps.³⁵

---

³⁴ S. Jasanoff, and S-H. Kim, eds., *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power* (Chicago; London: Chicago University Press, 2015).

³⁵ I.F. Zhimulev, “Novosibirsk Akademgorodok – A Special City with Diffuse Development – a City and a Forest” [in Russian], in *Nature of Akademgorodok: 50 Years Later*, ed. I.F. Zhimulev, 21 (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2007).

In the above quote, it is worth paying attention to the indication that the forest is now left to its own devices (“uncontrolled overgrowth”). In addition, a new species (the American maple that has appeared inside residential areas and in forest plantations) is perceived as a weed. In one of his last publications, I. Taran reproduced a mythologeme, which is common in Akademgorodok and says that its forest is the legacy of Academician Lavrent'ev, while assessing the state of the forest as catastrophic.³⁶ Akademgorodok botanists still see a way out of their situation in technologies for shaping the environment. However, in modern conditions, they should rather be reoriented towards maintaining the established ecosystem where people will preserve forests in residential neighborhoods and implement a set of measures to maintain the forests adjacent to the territory of residential neighborhoods.³⁷ Whatever measures are proposed, scientists still link the fate of the forest to the technologies that are in the hands of people.

The future of the Akademgorodok forest hardly seems to be bright. The large complex of technologies and practices that can be reconstructed in the works of I. Taran and his colleagues is possible only within certain limits. These frameworks can be described as both financial and ideological (which is no less important). Under the leadership of Taran, the FPES was supported with funds from the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, and at the ideological level, late-Soviet relations with nature also stimulated large-scale greening of the urban environment. In the current situation, these most important frameworks are virtually absent, and without them, individual technological measures to maintain forests are unlikely to bear significant fruit.

Список литературы

Банаев Е.В., Чиндяева Л.Н., Киселева Т.Н. Современное состояние и перспективы развития озеленения // Динамика экосистем Новосибирского Академгородка / под редакцией И.Ф. Жимулева. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2013. С. 110–127.

Век Лаврентьева / составители Н.А. Притвиц и др. Новосибирск: Издательство СО РАН; филиал «Гео», 2000. 456 с.

Духанов С.С. Проблемы типового проектирования в Западной Сибири в конце 1950–60-х гг. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2021. Т. 23, № 1. С. 19–33.

---

³⁶ I.V. Taran, “The Problem of Preserving Forests and Green Construction Objects” [in Russian], in *Dynamics of Ecosystems of Novosibirsk Akademgorodok*, ed. I.F. Zhimulev, 14 (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2013).

³⁷ E.V. Banaev, L.N. Chindyaeva, and T.N. Kiseleva, “Current State and Prospects for the Development of Landscaping” [in Russian], in *Dynamics of Ecosystems of Novosibirsk Akademgorodok*, ed. I.F. Zhimulev, 110–27 (Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2013).

Жимулев И.Ф. Новосибирский академгородок – особый город с диффузной застройкой – город-лес // *Природа Академгородка: 50 лет спустя / под редакцией И.Ф. Жимулева.* Новосибирск: Издательство СО РАН, 2007. С. 4–24.

Касаткина А. К поэтике и практике современного урбанизма: «город-сад» как технология социальной интеграции в Обнинске 1960-х годов // *Laboratorium: журнал социальных исследований.* 2022. № 14 (1). С. 30–59.

Костлоу Д.Т. Заповедная Россия. Прогулки по русскому лесу XIX века / перевод с английского Л.А. Речной. Санкт-Петербург: БиблиоРоссика; Бостон: Academic Studies Press, 2020. 373 с.

Кочеткова Е.А. Представления о промышленных лесах Сибири среди специалистов в СССР в конце 1940-х – 1991 гг. // *Уральский исторический вестник.* 2022. № 1 (74). С. 173–180.

Курашов С.В. Благоустройство, озеленение и улучшение санитарного состояния городов: Свод докладов С.В. Курашова, министра здравоохранения СССР. Москва: Госстройиздат, 1960. 45 с.

Кюстер Х. История леса: взгляд из Германии / перевод с немецкого Н. Штильмарк. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 302 с.

Ланге К.П., Назаренко Н.А. Озеленение. Куйбышев: Книжное издательство, 1961. 272 с.

Мостовенко М.С. От «города-сада» к «городу-аду»: проблема загрязнения воздушного бассейна города Омска в 1960–1980-е гг. // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2021. № 73. С. 13–18.

Северин С.И. Комплексное озеленение в благоустройстве городов. Киев: Будівельник, 1975. 231 с.

Стась И.Н. Концепции озеленения и экологическая проблематика в советских генпланах Сургута (1964–1990 гг.) // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета.* 2017. № 6 (51). С. 96–103.

Таран И.В. Из истории Центрального сибирского ботанического сада СО РАН. Новосибирск: ГЕО, 2015. 160 с.

Таран И.В. Проблема сохранения лесов и объектов зеленого строительства // *Динамика экосистем Новосибирского Академгородка / под редакцией И.Ф. Жимулева.* Новосибирск: Издательство СО РАН, 2013. С. 9–15.

Таран И.В. Рекреационные леса Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1985. 230 с.

Таран И.В., Спиридонов В.Н. Устойчивость рекреационных лесов. Новосибирск: Наука, 1977. 179 с.

Таран И.В., Спиридонов В.Н., Беликова Н.Д. Леса города. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2004. 188 с.

Цыбулин С.М. Птицы диффузного города (на примере новосибирского Академгородка). Новосибирск: Наука, 1985. 169 с.

Brain S. Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2011. 240 p.

Bugaev R., Piskunov M., Rakov T. Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The “Forest City” of Novosibirsk’s Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary // *The Soviet and Post-Soviet Review.* 2021. Vol. 48, iss. 3. P. 289–313.

Corney F. Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004. 301 p.

Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power / edited by S. Jasanoff, S-H. Kim. Chicago; London: Chicago University Press, 2015. 360 p.

Kochetkova E. Industry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from the Mid-1950s to the 1960s // *Environment and History*. 2018. Vol. 24, № 3. P. 323–347.

Kochetkova E., Popov A. Socialist Construction for Siberia: Comecon Cooperation and the Making of Ust'-Il'msk Forest Industrial Complex in the USSR, 1970s and 1980s // *Journal of Contemporary History*. 2022. Vol. 57 (2). P. 479–498.

Loomis E. *Empire of Timber: Labor Unions and the Pacific Northwest Forests*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 264 p.

Sörlin S., Wormbs N. *Environing Technologies: A Theory of Making Environment* // *History and Technology*. 2018. Vol. 34, iss. 2. P. 101–125.

Watkins C. *Trees, Woods and Forests: A Social and Cultural History*. London: Reaction Books, 2016. 312 p.

References

Banaev, E.V., L.N. Chindyaeva, and T.N. Kiseleva. “Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ozeleneniya” [Current state and prospects for the development of landscaping]. In *Dinamika ekosistem Novosibirskogo Akademgorodka* [Dynamics of ecosystems of Novosibirsk Akademgorodok], edited by I.F. Zhimulev, 110–27. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2013. (In Russian)

Brain, S. *Song of the Forest: Russian Forestry and Stalinist Environmentalism, 1905–1953*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2011.

Bugaev, R., M. Piskunov, and T. Rakov. “Footpaths of the Late-Soviet Environmental Turn: The ‘Forest City’ of Novosibirsk Akademgorodok as a Sociotechnical Imaginary.” *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 48, iss. 3 (2021): 289–313.

Corney, F. *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2004.

Costlow, J.T. *Zapovednaya Rossiya. Progulki po russkomu lesu XIX veka* [Heart-Pine Russia. Walking and writing the nineteenth-century forest], translated from English by L.A. Rechnaya. St Petersburg: BiblioRossika; Boston: Academic Studies Press, 2020. (In Russian)

Dukhanov, S.S. “Problemy tipovogo proektirovaniya v Zapadnoi Sibiri v kontse 1950–60-kh gg.” [Problems of standard design in Western Siberia at the end of 1950 – the 1960s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, vol. 23, no. 1 (2021): 19–33. (In Russian)

Jasanoff, S., and S-H. Kim, eds. *Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power*. Chicago; London: Chicago University Press, 2015.

Kasatkina, A. “K poetike i praktike modernogo urbanizma: ‘gorod-sad’ kak tekhnologiya sotsial'noi integratsii v Obninske 1960-kh godov” [On the poetics and practice of modern urbanism: The “garden city” as a technology of social integration in Obninsk in the 1960s]. *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, no. 14 (1) (2022): 30–59. (In Russian)

Kochetkova, E. “Industry and Forests: Alternative Raw Materials in the Soviet Forestry Industry from the Mid-1950s to the 1960s.” *Environment and History*, vol. 24, no. 3 (2018): 323–47.

Kochetkova, E.A. “Predstavleniya o promyshlennykh lesakh Sibiri sredi spetsialistov v SSSR v kontse 1940-kh – 1991 gg.” [Notions of Siberia’s industrial forests among specialists in the USSR, 1940s – 1991]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1 (74) (2022): 173–80. (In Russian)

Kochetkova, E., and A. Popov. “Socialist Construction for Siberia: Comecon Cooperation and the Making of Ust'-Ilimsk Forest Industrial Complex in the USSR, 1970s and 1980s.” *Journal of Contemporary History*, vol. 57, no. 2 (2022): 479–98.

Kurashov, S.V. *Blagoustroistvo, ozelenenie i uluchshenie sanitarnogo sostoyaniya gorodov: Sodoklad S.V. Kurashova, ministra zdravookhraneniya SSSR* [Redevelopment, landscaping, and improvement of sanitary condition of cities: Co-report by S.V. Kurashov, Minister of Public Health of the USSR]. Moscow: Gosstroizdat, 1960. (In Russian)

Küster, H. *Istoriya lesa: vzglyad iz Germanii* [History of the forest: a view from Germany], translated from German by N. Shtil'mark. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012. (In Russian)

Lange, K.P., and N.A. Nazarenko. *Ozelenenie* [Landscaping]. Kuibyshev: Knizhnoe izdatel'stvo, 1961. (In Russian)

Loomis, E. *Empire of Timber: Labor Unions and the Pacific Northwest Forests*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

Mostovenko, M.S. “Ot ‘goroda-sada’ k ‘gorodu-adu’: problema zagryazneniya vozdušnogo basseina goroda Omska v 1960–1980-e gg.” [From the “garden city” to the “hell city”: The problem of air pollution in the city of Omsk in the 1960s–1980s]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 73 (2021): 13–18. (In Russian)

Pritvits, N.A. et al., comps. *Vek Lavrent'eva* [Lavrentiev's Century]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN; filial “Geo”, 2000. (In Russian)

Severin, S.I. *Kompleksnoe ozelenenie v blagoustroistve gorodov* [Integrated landscaping in urban improvement]. Kiev: Budivel'nik, 1975. (In Russian)

Sörlin, S., and N. Wormbs. “Environing Technologies: A Theory of Making Environment.” *History and Technology*, vol. 34, iss. 2 (2018): 101–25.

Stas', I.N. “Kontseptsii ozeleneniya i ekologicheskaya problematika v sovetskikh genplanakh Surguta (1964–1990 gg.)” [Concepts of landscaping and environmental issues in the Soviet master plans of Surgut (1964–1990)]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 6 (51) (2017): 96–103. (In Russian)

Taran, I.V. *Iz istorii Tsentral'nogo sibirskogo botanicheskogo sada SO RAN* [From the history of the Central Siberian Botanical Gardens of the Siberian Branch of the RAS]. Novosibirsk: GEO, 2015. (In Russian)

Taran, I.V. “Problema sokhraneniya lesov i ob'ektov zelenogo stroitel'stva” [The problem of preserving forests and green construction objects]. In *Dinamika ekosistem Novosibirskogo Akademgorodka* [Dynamics of ecosystems of Novosibirsk Akademgorodok], edited by I.F. Zhimulev, 9–15. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2013. (In Russian)

Taran, I.V. *Rekreatsionnye lesa Zapadnoi Sibiri* [Recreational forests of Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1985. (In Russian)

Taran, I.V., and V.N. Spiridonov. *Ustoichivost' rekreatsionnykh lesov* [Sustainability of recreational forests]. Novosibirsk: Nauka, 1977. (In Russian)

Taran, I.V., V.N. Spiridonov, and N.D. Belikova. *Les goroda* [Forests of the city]. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2004. (In Russian)

Tsybulin, S.M. *Ptitsy diffuznogo goroda (na primere novosibirskogo Akademgorodka)* [Birds of a diffuse city (a case study of Novosibirsk Akademgorodok)]. Novosibirsk: Nauka, 1985. (In Russian)

Watkins, C. *Trees, Woods and Forests: A Social and Cultural History*. London: Reaction Books, 2016.

Zhimulev, I.F. “Novosibirskii Akademgorodok – osobyi gorod s diffuznoi zastroikoi – gorod-les” [Novosibirsk Akademgorodok – a special city with diffuse development – a city and a forest]. In *Priroda Akademgorodka: 50 let spustya* [Nature of Akademgorodok: 50 years later], edited by I.F. Zhimulev, 4–24. Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN, 2007. (In Russian)

Информация об авторе

Тимофей Николаевич Раков – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошкола), <https://orcid.org/0000-0003-2726-7939>, t.n.rakov@utmn.ru, Тюменский государственный университет (д. 6, ул. Володарского, 625003 Тюмень, Россия).

Information about the author

Timofei N. Rakov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Research Fellow of the School of Environmental and Social Studies (Anthroschool), <https://orcid.org/0000-0003-2726-7939>, t.n.rakov@utmn.ru, University of Tyumen (6, ul. Volodarskogo, 625003 Tyumen, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.10.2023; одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 16.01.2024.

The article was submitted 08.10.2023; approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 16.01.2024.